

Я. А. Ленцман

ПОСЛЕГОМЕРОВСКИЙ ЭПОС КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАННЕЙ ГРЕЦИИ¹

Развитие историографии античности в значительной степени определяется ныне громадным ростом числа источников. Археологические раскопки из года в год не только вскрывают сотни новых памятников материальной культуры, но и, что не менее важно, непрерывно накапливают надписи, папирусы, монеты, постепенно, правда с большим опозданием, включаемые в научный обиход. Одним из закономерных следствий увеличения численности источников было составление ряда различных энциклопедий, справочников, словарей, указателей и т. п. Польза такого рода изданий неоспорима, но в то же время детально разработанная система справочников таит в себе серьезную опасность: она дает возможность многим авторам подбирать без труда всевозможные цитаты и выдержки, не утруждая себя изучением всего источника в целом; мозаичная картина того или иного исторического явления, созданная на основании вырванных из контекста цитат, очевидно, будет весьма далека от науки. Кроме того легкость привлечения наукообразного, полного «эрудиции» материала создает для буржуазных ученых возможность бегства от обобщений и выводов².

Выдергивание цитат, произвольное их истолкование и совершенно фантастические концепции и построения дошли в буржуазной историографии до таких пределов, что вызывают возражения даже среди наиболее благонамеренных буржуазных историков, как например, Хазебрэк³.

В общих работах по истории ранней Греции, особенно в учебниках и курсах лекций, тенденция отхода от комплексного освещения всей совокупности источников приобретает часто совершенно недопустимую форму. Для трудов этого рода уже выработалась стандартная схема изложения и установился строго ограниченный круг используемых источников: авторы их, как правило, относительно подробно останавливаются на ха-

¹ Приношу благодарность за предварительное ознакомление с данной статьей и за ценные замечания О. И. Савостьяновой, Н. М. Постовской, Э. Л. Казакевич, акад. А. И. Тюменеву, Д. П. Каллистову и И. Д. Амулину.

² См. В. И. Л е н ц м а н, Соч., т. 20, стр. 186; разбирая книгу П. Струве «Хозяйство и цена», Ленин указывал, что «сотни страниц труда г-на Струве... представляют из себя на редкость замечательный образец того, как бегают от науки современные буржуазные ученые». Весь аппарат книги П. Струве надерган — по словам Ленина — «из наилучших немецких библиографических указателей».

³ J. H a s e b r o e k, Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte, Tübingen, 1931, стр. X.

рактистике так называемого гомеровского общества, иногда даже без выделения ранних и поздних напластований в эпосе; затем они переходят к общей, суммарной характеристике социально-политической обстановки в Элладе VIII—VII вв., привлекая попутно, в качестве иллюстрации, отдельные места из «Трудов и дней» Гесиода, и как бы стремятся поскорее перейти к изложению истории блестящих Афин и Спарты. Ниже мы попытаемся показать вредность такого схематизма особенно для изучения и освещения социально-экономической истории ранней Греции.

Более равномерно освещены источники в курсах античной литературы. В них дается характеристика всех основных литературных произведений; в частности для изучаемого периода достаточно подробно освещаются Гомеровские гимны и многие приписываемые Гесиоду произведения. Однако все эти произведения, особенно Гомеровские гимны, рассматриваются не столько с исторической, сколько с литературоведческой точки зрения.

Нет никакого сомнения, что «Илиада» и «Одиссея» более важны для историка, чем творения Гесиода и гимны, вместе взятые. Но для того, чтобы создать подлинно научную историю древней Греции, необходимо полностью учитывать данные всей совокупности дошедших до нас источников, а не останавливаться выборочным методом на отдельных, наиболее ярких, с той или иной точки зрения, произведениях древности.

Перед исследователем, приступающим к изучению послегомеровского эпоса¹, сразу возникают два важных вопроса: во-первых, представляет ли он в самом деле достаточную ценность для социально-экономической истории Греции VIII—начала VI вв. и, во-вторых, насколько оправдано его объединение в одно целое в качестве именно исторического, а не только литературного источника.

Исчерпывающий ответ на первый вопрос можно будет дать, очевидно, только в конце нашей статьи. Здесь же достаточно сказать, что собранные воедино, дошедшие до нас полностью или фрагментарно, произведения Гесиода и гомеровского цикла составляют в целом том, по объему немногим уступающий «Илиаде» или «Одиссее». Ведь и «Илиада» только благодаря упорному труду многих поколений филологов, историков и археологов дала большое количество важного материала для социально-экономической истории микенской и собственно гомеровской Греции. Аналогичной работы по анализу Гомеровских гимнов и произведений Гесиода, за исключением «Трудов и дней», до сих пор фактически не проводилось ни в советской, ни в западноевропейской науке². Между тем, например,

¹ Термин «послегомеровский эпос» обычно применяется лишь для произведений, которые в древности так или иначе связывались с именем Гомера (ср. И. М. Тронский, История античной литературы, 1951, стр. 74 сл.). В данной статье мы условно включаем в это понятие также произведения, связанные с Гесиодом.

² Изучение творчества Гесиода в буржуазной науке ограничивалось главным образом вопросами хронологии, композиции приписываемых ему произведений, связи его трудов с Гомеровским эпосом, филологического анализа и т. д. В большой статье RE, s. v. Hesiodos, принадлежащей перу Рфаха, издателя текста Гесиода, основное внимание уделено изложению споров между «аналитиками» и «унитариями» в гесиодовском вопросе. Главное в творчестве Гесиода — социально-историческое значение его работ — не было предметом специального исследования буржуазных историков. В общей оценке периода Гесиода наибольшим распространением до недавнего времени пользовалась точка зрения Эд. Мейера, охарактеризовавшего время Гесиода как «греческое средневековье». Определение Мейера явно порочно уже хотя бы потому, что у Гесиода нет и поминка о крепостном крестьянстве. Тем не менее о «греческом средневековье» говорят многие западноевропейские ученые, в частности и Глотц, который, правда, вкладывает в это несколько иное содержание, чем Мейер. Новейшая и единственная, насколько мне известно, монография об этом периоде (A. R. В u r n, The world of Hesiod. A study of the Greek middle ages, I., 1936) даже в подзаголовке упоминает о средневековье. «Феодално-архаическим» называет время Гесиода Йегер (W. J a e g e r, Paideia, В.—Lpz., 1934,

«Щит Геракла» несомненно дает не меньше данных для исследования экономики и общественных отношений своего времени, чем досконально изученное в литературе описание щита Ахилла.

Что же касается второго вопроса, то достаточным, на наш взгляд, обоснованием для объединения работ, приписываемых Гесиоду¹, и основной массы послегомеровских произведений (*Nomerica*)² в одно целое является их принадлежность к одному и тому же исключительно важному периоду VIII—начала VI вв.—времени становления рабовладельческого строя на территории классической Эллады.

Важно подчеркнуть, что только путем комплексного исследования всей этой группы источников в целом можно избежать опасности одностороннего освещения процесса общественно-экономического развития древней Греции. Если в «Трудах и днях» охарактеризовано прежде всего положение свободного зажиточного крестьянского населения отсталой Беотии, то, например, Гомеровские гимны дают много сведений об Ионии и других областях Эллады; притом эти данные иногда освещаются с несколько иных позиций, чем у Гесиода. Особенно важно отметить, что все эти произведения были составлены современниками интересующего нас периода, и поэтому они обладают несравненно большей степенью достоверности, чем сведения, дошедшие до нас из вторых или третьих рук.

Из всей анализируемой группы произведений наиболее важны несомненно «Труды и дни», которые, несмотря на небольшой относительно размер поэмы, представляют собой подлинную сокровищницу сведений об общественно-экономическом положении крестьянского населения Беотии VIII в. до н. э. Именно благодаря этому произведению Гесиод вошел в историю как певец и идеолог древнегреческого крестьянства.

Уже в древности было распространено противопоставление двух первых греческих поэтов: Гомера, воспевавшего быт и подвиги знати, и Гесиода, который описывал трудовую деятельность крестьян. Это противопоставление послужило даже темой для известного произведения «О Гомере и Гесиоде и об их происхождении и соревновании» (*Certamen Homeri et Hesiodi*)³. Интересно отметить, что, согласно преданию, победу в со-

стр. 92). Только в самое последнее время под влиянием общего отхода от концепции Мейера буржуазные историки предпочитают не углубляться в анализ общественно-экономического развития Греции VIII в., ограничиваясь банальными замечаниями об «архаическом» (Бенгтсон и др.) характере этого периода.

¹ Вопрос об авторстве произведений, приписываемых Гесиоду, очень сложен и никоим образом не входит в задачу этого нашего исследования. Время жизни Гесиода различные ученые датируют по-разному — от середины IX до начала VII в. до н. э. Автор новейшего известного мне издания Гесиода Н. G. E v e l y n - W h i t e (*Hesiod, the Homeric hymns and Nomerica*, L., 1936) согласно с Геродотом датирует «Труды и дни» серединой IX в., «Теогонию» столетием позже, «Каталоги» и «Эои» второй половиной VIII в., а «Щит Геракла» второй половиной VII в. Р ц а х, RE, s. v., стб. 1177, датирует Гесиода VIII в.; ср. E. B e r g o u g n a n, *Hésiode et poètes élégiaques...*, P., стр. 11 сл.

² В это понятие включены главные Гомеровские гимны, фрагменты из киклических произведений и Гомеровские эпиграммы, датируемые VIII—VI вв. до н. э. Из 33 Гомеровских гимнов, составленных в различное время, нас интересуют прежде всего первые семь (по нумерации Ивлин-Уайта: I и VII — Дионису, II — Деметре, III — Аполлону, IV — Гермесу, V и VI — Афродите). Все они, повидимому, могут быть датированы примерно VIII—VII вв., за исключением очень важных гимнов IV и VII, составленных, согласно Ивлин-Уайту, на рубеже VII и VI вв. (ук. соч., стр. XXXVIII сл.); ср. RE, s. v. *Hymnos*, стб. 148. «*Certamen*» Гомера и Гесиода, а также «*Батрахомиамахия*» и фрагменты из некоторых других, приписываемых в древности Гомеру, произведений, относятся, по общепринятому мнению исследователей, к классическому или даже более позднему времени.

³ Н. G. E v e l y n - W h i t e, ук. соч., стр. 566—597; ср. также Приложение, стр. 624—626. И. М. Т р о н с к и й, ук. соч., стр. 70, прим. 1, и стр. 104, исходя из характеристики жанра произведения, датирует его даже VI в. до н. э.

ревновании одержал Гесиод, воспевавший земледелие и мир, в отличие от Гомера, превозносившего войны и убийства¹.

Несмотря на глубоко народные истоки гомеровского творчества и на громадную популярность «Илиады» и «Одиссеи» среди относительно широких кругов античной демократии, все же Гомер считался на протяжении всей классической древности певцом аристократии. В этом отношении показательно приписываемое Плутархом спартанскому царю Клеомену, сыну Анаксандрида (ок. 517—488 гг. до н. э.), заявление, что Гомер был поэтом лакедемоняин, так как учил военному искусству; в то же время Гесиода Клеомен считал поэтом илотов, так как он учил земледельческому труду². Аналогичное противопоставление Гомера и Гесиода было широко распространено и у позднеантичных ораторов. Так, например, им пользуются Дион Хрисостом (II, 8—14), Максим Тирский, частично Темистий и Либаний.

Быть может, именно этому следует в значительной степени приписать увлечение Гомером и недооценку Гесиода в буржуазной историографии античности. В то время как за последние несколько десятилетий список книг и статей, посвященных Гомеру, насчитывает многие тысячи названий, библиография по «Трудам и дням» Гесиода представлена лишь буквально считанными книгами и несколькими десятками статей³.

Весьма показателен значительно возросший интерес к Гесиоду в странах народной демократии, прежде всего в Польше. Мы уже отмечали в свое время появление в польском журнале «Archeologia» интересной и обстоятельной статьи Б. Билиньского «Гесиодов взгляд на античность. Труд в древней Греции»⁴. Кроме указанной работы, за послевоенные годы в Польше появились еще две статьи о Гесиоде В. Клингера⁵. Статью о социальной направленности поэм Гесиода написал также чешский ученый Л. Варцль⁶. Возросший интерес прогрессивной польской и чешской историографии к Гесиоду, очевидно, связан с общим поворотом античников стран народной демократии к социально-экономической тематике. Эти ученые резко и в основном правильно противопоставляют идеологии Гомеровского эпоса трудовое крестьянское мировоззрение Гесиода. Очень интересно характеризует личность Гесиода Б. Билиньский: «Ведь Гесиод, несмотря на довольно оригинальное сочетание консервативных взглядов крестьянства и аристократии, является провозвестником знаменитого ремесленно-торгового переворота VII—VI вв.... Таким образом,

¹ Характерно, что в самом тексте «Соревнования» указывается на расхождение в оценке творчества Гомера и Гесиода между присутствовавшими на соревновании аристократами (ἐπίστυμοι — Н. G. Evelyn-White, ук. соч., стр. 572) — халкидцами и братом умершего басилея Евбея Амфидаманта Панэдом. В то время как «эллины» аристократы высказались в пользу Гомера, Панэд присудил пальму первенства Гесиоду. Правда, этот приговор Панэда вошел затем в поговорку как образец глупого, необоснованного суждения, но именно в этой оценке четко ощущается в общем аристократический характер античной историографии.

² См. P l u t., Apophthegmata laconica, Moralia, 223a (ed. Loeb, L., 1931, t. III, стр. 334); ср. A e l., Variae historiae, XIII, 19.

³ Из книг и статей по Гесиоду за 1924—1950 гг., если не считать работ ученых стран народной демократии, социально-экономической тематике, насколько мне известно, посвящена только статья А. Т r e v e r, The age of Hesiod, a study in economic history, «Classical philology», XIX (1924,) стр. 157—168; см. также P. B. R. F o r b e s, Hesiod versus Perses, «Classical Review», 1950, стр. 82—87.

⁴ См. рецензию на тт. I и II «Archeologia», ВДИ, 1950, № 2, стр. 183; ср. ВДИ, 1953, № 2, стр. 122.

⁵ W. K l i n g e r, Hezjod jako piewca pracy i zwiastun demokracji greckiej, «Spraw. Pozn. tow. nauk.», I—II, 1948; о н ж е, Hezjod—piewca pracy, «Wiedza i życie», XVII (1948), т. II, 11; цитирую по: В. B i l i Ń s k i, Problem pracy w starożytnym Rzymie, «Archeologia», III, стр. 41, прим. 7а; ср. «Listy Filologicke», LXXII (1948), стр. 1—15.

⁶ «Listy Filologicke», LXXIV (1950), стр. 161—167. К сожалению, эта статья была мне недоступна.

он становится как бы переломной фигурой, в которой традиционные взгляды борются с новыми идеями¹.

В советской литературе нет единой точки зрения на социальную позицию Гесиода. Обычно он характеризуется прежде всего как идеолог крестьянства (А. И. Тюменев², В. С. Сергеев, коллективная «История греческой литературы»), иногда с важным уточнением: «зажиточного крестьянства» (С. И. Ковалев, И. М. Тронский) или, наоборот, «мелкого земледельца»³. Наиболее развернутую и четкую социальную характеристику мировоззрения Гесиода дает И. М. Тронский, который считает, что Гесиод пишет с позиций свободного земледельца, обрабатывающего в упорном труде свой небольшой участок и притесняемого царями-«дароядцами», насильничающими и творящими неправый суд (ук. соч., стр. 66), и несколько дальше уточняет: «Все наставления рассчитаны на небольшое, но зажиточное хозяйство, прибегающее в страдную пору к использованию также и наемного труда» (там же, стр. 68). Последняя, более точная характеристика не вызывает возражений; однако, как это будет показано дальше, она, в свою очередь, все же нуждается в уточнениях.

В рамках журнальной статьи, очевидно, совершенно невозможно дать исчерпывающий анализ всего послегомеровского эпоса. Столь же очевидно, что нельзя дать полную картину социально-экономической эволюции греческого общества VIII—VII вв. до н. э. только на основании литературных источников; для этого необходимо широкое привлечение данных археологии, включая итоги раскопок последних двух десятилетий. Ниже будет обращено внимание лишь на отдельные, на наш взгляд, наиболее характерные моменты, свидетельствующие о дальнейшем развитии производственных отношений⁴ раннегреческого общества, прежде всего о вызревании элементов нового, в ту пору более прогрессивного, рабовладельческого строя. В качестве таких узловых моментов будут избраны следующие: 1) рост имущественного расслоения, 2) распространение частной собственности на землю, 3) развитие рабовладения, 4) зарождение органов угнетения и эксплуатации, прежде всего на примере развития судопроизводства.

В Гомеровском эпосе почти нет данных об имущественном расслоении среди крестьянства. В эпосе противостоят две основные группы свободного населения: знать и рядовые свободные. Иногда поэт как бы мимоходом говорит о недовольстве массы свободных знатью (например, Терсит в II, II, 225—242), но недовольство это вызвано лишь длительностью войны и несправедливым разделом добычи; Гомер нигде не упоминает о жалобах свободного крестьянина на свою долю, об угнетении его знатными, о неправом суде и т. д. Термин *ἄλλοτριος* (Od., XI, 490) встречается в эпосе только один раз, притом в одной из наиболее поздних его частей⁵. То же

¹ «Archeologia», III (1949), стр. 45, прим. 1.

² «История древнего мира, т. II, Древняя Греция», ГАИМК, 1937, стр. 138.

³ «История древнего мира», учебник для учительских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского, М., 1952, стр. 261.

⁴ Краткий очерк развития производительных сил этого периода был дан мной в статье «О возникновении товарного производства в древней Греции», ВДИ, 1953, № 3, стр. 59—62. Картина зарождения и развития товарного производства была там нарисована несколько односторонне, так как я, из-за недостатка места, не останавливался в ней на одном из важнейших факторов в формировании товарного производства в Греции — развитии новых рабовладельческих частнособственнических производственных отношений. В настоящей статье, по мере возможности, будет учтен этот недостаток, во всяком случае в отношении времени Гесиода.

⁵ По общему мнению исследователей, *Nekya* — одна из наиболее поздних частей «Одиссея»; см. M. Croiset, Histoire de la littérature grecque, P., 1910, т. I, стр. 289—293 и 295 сл.

касается и слова ἐπάρορος¹ (Od., XI, 489). Умолчание о расслоении крестьянства только частично можно объяснить тематикой Гомеровского эпоса. Можно полагать, что имущественное расслоение крестьянства в гомеровское время еще не достигло сколько-нибудь значительных размеров.

Совсем иная картина в произведениях послегомеровского времени. Даже при самом общем ознакомлении с «Трудами и днями» рисуется тяжелая картина прогрессирующего имущественного расслоения крестьянства. Первая треть поэмы полна упоминаний о нищих и обездоленных, вынужденных скитаться и просить милостыню у соседей. Впервые у Гесиода мы встречаемся с выражением ἀνὴρ ἀβούουτος (стк. 451: «муж безволовный», в переводе В. В. Вересаева²).

Лейтмотивом послегомеровских источников является постоянное воспевание уже не знатности происхождения, как у Гомера, а богатства. Одну из псевдогомеровских эпиграмм³ можно прямо назвать апофеозом богатства; поэт обращается к воротам с призывом открыться, так как в дом «вступает большое Богатство (Πλοῦτος), а вместе с Богатством идет цветущая Радость и благий Мир»⁴.

О «Плутосе, дарующем людям обилье в стадах и запасах», говорится также в гимнах Деметре (стк. 489) и Гее (стк. 7—12). Гесиод в «Трудах и днях» заявляет:

«Если к богатству в груди твоей сердце стремится,
То делай, как говорю я...»

(Стк. 381 сл.)

Новые представления людей переходного времени ярко отражены и в следующей псевдогомеровской эпиграмме (XIII, 1—3): «Дети — венки человека, башни — города; лошади — украшение равнины, а корабли — моря; богатство расширяет дом (χρήματα αὔξει οἶκον)». Последняя часть цитируемого места как бы перекликается с известным изречением Алкея и затем Пиндара — χρήματα ἀνὴρ⁵. Для изучаемого нами промежуточного периода характерно воспевание богатства при одновременном отсутствии жалоб на разорение и обнищание знати, столь показательных для творчества несколько более поздних лириков — Алкея и особенно Феогнида. Таким образом, если Гомер считает важнейшим качеством человека знатность происхождения, а Гесиод и его современники восхваляют богатство, то следующее поколение раннегреческих авторов уже с горечью констатирует разорение знати и окончательную победу богатства над знатностью.

¹ В последнее время выдвинуты сомнения в правильности понимания этого слова как «живущий на поле», «бедняк». Н. F r ä n k e l, Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums, N.-Y., 1951, стр. 119, прим. 19, предлагает понимать это слово абстрактно: «auf Erden». Все же вряд ли можно согласиться с этим толкованием: ἀρορα встречается в Гомеровском эпосе довольно часто, но почти исключительно в смысле пахотной земли или земельного участка и лишено того абстрактного значения, которое приписывает ему Френкель.

² Г е с и о д, Работы и дни. Земледельческая поэма, перевод В. В. Вересаева. М., 1927. Цитаты в тексте статьи в дальнейшем даются по переводу В. В. Вересаева.

³ Эти эпиграммы несомненно существовали задолго до того, как была составлена псевдо-геродотовская Vita Homeri. К сожалению, трудно установить время ее составления. Вероятно, значительная часть этой биографии датируется VI в. (RE, s. v. Homeros, стб. 2190). В таком случае большую часть эпиграмм следовало бы приурочить к рубежу VII—VI вв.; ср. E v e l y n - W h i t e, ук. соч., стр. XXIX сл.

⁴ Эпиграмма XV, стк. 3—5; ср. также гимн Гее (XXX, 7—12).

⁵ A l c a e u s, fr. 81 (Lyra Graeca, ed. Loeb, L., 1934, т. I; в дальнейшем ссылки на поэтов-лириков даются по этому изданию). Алкей ссылается здесь на Аристодема из Спарты и продолжает: «Ни один бедняк не может быть ни благородным, ни почтенным».

Процессы, которые привели несколько позже к разорению аристократии, с тем большей силой уже тогда действовали на имущественное расслоение крестьянства, которое особенно ярко показано в «Трудах и днях». Многократные призывы Гесиода к бережливости, постоянные предостережения от угрозы разорения и нищеты, увещевания о необходимости постоянного, непрерывного труда, возрастающее применение наемного труда, рабовладение — все это представляло собой обратную сторону того разлагающего воздействия, которое оказывало развитие товарных отношений и накопление богатств в руках немногочисленной верхушки общества на широкие массы трудящегося населения.

Впервые в это время начинает занимать значительное место в источниках вопрос о недоедании и голоде, как систематических явлениях. Гесиод напоминает читателю, что в долгие зимние ночи можно потреблять меньше пищи, что надо нанимать бездетных работниц, указывает, сколько надо дать продовольствия при той или иной работе; создается впечатление, что голод был частым гостем в домах беотийских крестьян VIII в. Вскоре после Гесиода, как бы перекликаясь с беотийским поэтом, лирик Алкман даже по отношению к плодородной Спарте писал о весне как времени года, когда все растет и цветет, но нельзя наесться досыта (Alkman, fr. 137).

В этой же связи показательно отношение Гесиода к труду. Поэт считает его наказанием богов, ниспосланным смертным (стк. 42); в золотом веке люди обитали на земле: «горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы» (стк. 91). Современники поэта, люди железного века, не имеют¹ передышки «ни ночью, ни днем от труда и от горя» (стк. 177). Для понятия тяжелого, изнурительного физического труда Гесиод применяет обычно термин *πόνος* и *κράτος*, обозначающие у Гомера просто утомление, вне зависимости от его причин.

Много места в произведениях VIII—VII вв. занимает вопрос о бедности. У Гомера *πενίη* встречается только один раз (Od., XIV, 157); в послегомеровское время, особенно у Гесиода и в эпиграммах, этот термин появляется очень часто. Бедность, по мнению Гесиода, угрожает всем, кто не следует его советам о непрерывном, чуть ли не круглосуточном труде. У Алкея (fr. 18) мы встретимся со специальным обращением к Бедности (*Πενία*), представляющим собой замечательную параллель к выше упомянутому Гомеровскому гимну в честь Плутоса.

Рост имущественного расслоения содействовал и, в свою очередь, находился под сильным воздействием развития частнособственнических отношений, прежде всего распространения частной собственности на землю. Как вполне правильно подчеркивает Дж. Томсон, именно эта проблема — проблема возникновения и развития частной собственности — представляет наибольшие затруднения для буржуазных историков античности². В прошлом веке в буржуазной историографии по этому вопросу имелись два направления. Представители одного из них, которое восходило в конечном счете к Гроту, наотрез отрицали существование родового строя в Греции и утверждали извечное существование частнособственнических отношений на Балканах. Эта теория была особенно распространена в немецкой историографии³. Часть французских историков XIX

¹ В женевском pap. Naville, 94 (VI в. н. э.) имеется разночтение *παρόνται* (futurum) вместо *πρόνται* (praesens) в других рукописях; см. Evelyn-White, ук. соч., стр. 14, прим. 2.

² G. T h o m s o n, Studies in ancient Greek society, L., 1949, стр. 299 слл. Особенно важен параграф «The Problem of Ownership in Early Greece», стр. 299—302.

³ См., напр., R. v. P ö h l m a n n, Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt³, München, 1925, т. I, стр. 3—36. Среди крупных немецких бур-

и начала нашего столетия, как Фюстель-де-Куланж и др., признавала существование родового строя в древней Греции. Несмотря на идеалистическое мировоззрение многих из этих ученых, в их работах все-таки признавалось существование греческого рода и родовой собственности на землю. Представителем взглядов этой, несомненно более прогрессивной, группы был А. Эсмейн, который суммировал всю имевшуюся к 90-м годам научную аргументацию в статье о земельной собственности в Гомеровском эпосе¹.

Однако уже в конце прошлого века, в связи с начавшимся общим загниванием буржуазной историографии, и среди французских историков все более усиливалась тенденция к утверждению извечности частнособственнических отношений. Со времени работ П. Гиро и его последователя в этом отношении Ж. Тутэна² среди почти всех западноевропейских ученых стало признаком хорошего тона огульное отрицание родового строя в Греции. Марксист Дж. Томсон прекрасно шаг за шагом показывает, как и авторы статей в САН беззастенчиво извращают или замалчивают неопровержимые свидетельства Гомеровского эпоса об общественной собственности на землю.

Общая тенденция социально-экономического развития ранней Греции неизбежно вела в то время к усилению и победе рабовладельческой частной собственности. Наличие этой тенденции неоспоримо, но важно уточнить степень ее развития — определить уровень развития частнособственнических отношений на рубеже VIII и VII вв. до н. э. в Греции. Прежде всего необходимо отметить, что развитие производительных сил, рост торговли, прогрессирующее имущественное расслоение, развитие рабовладения все более подрывали элементы первобытно-общинной собственности, которая, очевидно, сохранялась дольше всего в области земельных отношений. Несомненные свидетельства Гомеровского эпоса о существовании общинного землевладения, быть может, даже иллюстрируют земельные отношения, предшествовавшие времени окончательного оформления творений Гомера³. Мы уже говорили, что в «Одиссее» встречаются, правда в единичных случаях, термины *ἄκκληρος* и *πολύκληρος*. Сам факт этого словообразования свидетельствует не только о расслоении крестьянства, что и отмечалось выше, но прежде всего об определенных сдвигах в землевладении. Все же в Гомеровском эпосе нигде нет ни слова о купле-продаже земли. Впервые в «Трудах и днях» Гесиод предостерегает Перса: «Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы другой» (стк. 341: ὄρρ' ἄλλων ὦνῃ κληρον, ἢ μὴ τὸν τεόν ἄλλος). Важно отметить, что Гесиод говорит о купле-продаже клеров как о чем-то обычном. При этом никто из исследователей не считал эту строку поэмы интерполяцией. Таким образом, приходится признать для времени Гесиода куплю-продажу каких-то земельных участков не выходящим из ряда вон явлением⁴.

жуазных ученых этих взглядов не придерживался, насколько мне известно, только U. Wilamowitz-Möllendorff, *Aristoteles und Athen*, B., 1893, т. II, стр. 47.

¹ A. Esmein, *La propriété foncière dans les poèmes homériques*, «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger», XIV (1890), стр. 821 слл. Эта статья была мне недоступна; цитирую по книге Дж. Томсона.

² P. Guiraud, *La propriété foncière en Grèce*, P., 1893; J. Toutain *L'économie antique*, P., 1927, стр. 16—22.

³ Надо согласиться с Дж. Томсоном, который считает возможным, что «в то время, когда „Илиада“ и „Одиссея“ приобрели свой окончательный вид, обычай периодического перераспределения [земли] начал выходить из употребления [was becoming obsolete]» (ук. соч., стр. 319).

⁴ Правда, не исключена возможность, что у Гесиода идет речь о покупке и продаже земли, находящейся лишь во владении, а не в частной собственности отдельных крестьян. Аналогичное явление было, повидимому, довольно широко распространено во многих древневосточных обществах, см. И. М. Дьяконов, *ЗВАН, ВДИ*, 1952,

В косвенной, но тесной связи с приведенным свидетельством Гесиода стоит вопрос о происхождении его земельной собственности. Гесиод получил участок по наследству от своего отца, который был жителем Кимы Эолийской, неудачно занимался морской торговлей и, в конце концов, возвратился в Беотию. Здесь отец Гесиода каким-то путем приобрел свой земельный участок, притом, повидимому, достаточно крупных размеров, так как по крайней мере половину его¹ получил Перс; оставшейся же части было достаточно для прокормления Гесиода и всех его домочадцев. Наиболее реально предположение, что и отец Гесиода купил свой надел; это также косвенным путем подтверждало бы возможность купли-продажи в Беотии VIII в. до н. э.²

Нет никаких оснований предполагать наличие какого-либо специального законодательства, запрещавшего куплю-продажу земли во времена Гесиода, прежде всего потому, что законодательная деятельность в различных греческих полисах началась уже после создания «Трудов и дней». Один из наиболее ранних греческих законодателей Залевк жил, повидимому, не раньше середины VII в. Греческое слово νόμος, обозначавшее в классическое время закон, по своему основному смысловому значению ближе к обычаю (см. Lidde l-S c o t t, s. v.). После отказа от периодического передела общинных земель — а этот обычай в Беотии вышел из практики несомненно еще до времени Гесиода, иначе тот не мог бы о нем не упомянуть, — вполне возможна была в немногочисленных случаях, как, например, с отцом того же Гесиода³, передача (или продажа) некоторых участков постоянным местным жителям — не членам общины. Все же нельзя считать строку 341 «Трудов и дней» доказательством полной свободы купли-продажи земли во времена Гесиода, хотя бы даже для одной Беотии. Земля, приобретенная отцом Гесиода, и те участки, которые поэт рекомендует скупать Персу, находилась, повидимому, в частной собственности, но, по всей вероятности, это были земли, расположенные где-то на окраине поселения (ἐσχάτη) и не входившие в число общинных земель. На этих-то новых участках, очевидно, должен был раньше всего победить принцип частной собственности.

Наши сведения об изменениях в распределении земельной собственности в Греции, особенно для раннего периода, очень скудны и отрывочны. Даже в классическую пору общественное мнение в греческих полисах было против продажи земли предков⁴.

№ 3, стр. 267 сл. К сожалению, у нас нет никаких данных о юридическом статусе земельных участков во времена Гесиода.

¹ Из всех известных мне авторов только P. V. R. F o r b e s, ук. соч., считает, что спор шел не из-за земли, а из-за движимого имущества, так как выражение ἀρτάζων ἐφόρεις (стк. 38) приложимо якобы только к движимому имуществу. Однако в предшествующей строке Гесиод говорит о дележе клера и цитируемое Форбсом выражение относится также и к клеру.

² Против этого предположения резко возражает Белох. Вполне последовательно исходя из своих гиперкритических предпосылок, Белох отрицает не только историчность Гесиода, но, несмотря на единогласное мнение английских писателей, оспаривает даже и то, что автор «Трудов и дней» был жителем Беотии (K. V e l o c h, Griechische Geschichte, I², 1, стр. 312, прим. 1). Что же касается возможности приобретения отцом Гесиода значительного участка в Аскре, Белох ограничивается ироническим вопросом: «Woher hatte er denn die ἐσχάτης?» Развернутую критику утверждений Белоха см.: A. R. V u r n, ук. соч., стр. 32, прим. 2.

³ По свидетельству С т р а б о н а (IX, 2,5 и XIII, 1,3), жители Кимы эолийской были соплеменниками беотийцев.

⁴ G. T h o m s o n, ук. соч., стр. 313 сл.; A. R. V u r n, ук. соч., стр. 109 сл.; ср. стр. 117 сл. и 230; правда, в более раннее время доступ к гражданству, а следовательно, и к приобретению земли, был, повидимому, значительно легче. Так, в сохранившихся к Thuc., I, 2 говорится, что «афиняне в древности сразу предоставляли гражданские права, а впоследствии уже нет, из-за многочисленности (διὰ τὸ πλῆθος)». Вопрос о собственности на землю в Аттике обстоятельно рассматривался в последнее время

Здесь уместно поставить вопрос о социальной направленности творчества Гесиода (см. стр. 56). Уже отношение Гесиода к бедноте заставляет нас возражать; у поэта нигде не выражено открыто сочувствие беднякам, несмотря на то, что он часто выступает против незаконных и взяточничества власть имущих басилеев; конкретной причиной разорения Гесиод почти всегда считает только безделье и сутяжничество; трудолюбие является, по его мнению, гарантией от нищеты. На самом деле было иначе. Даже максимальное трудолюбие и скрупулезное следование всем советам поэта были бессильными перед лицом исторической необходимости имущественного расслоения общества, переживающего этап становления рабовладельческого строя.

Еще более важным нам кажется вопрос о том, на какое хозяйство рассчитаны советы Гесиода. В центральной части «Трудов и дней» он, как известно, дает подробные указания, как следует организовать сельскохозяйственные работы. Но при этом Гесиод явно имеет в виду не мелкое и даже не среднезажиточное, а скорее большое — в масштабе того времени — крестьянское хозяйство. Он предполагает наличие у землевладельца по крайней мере пары девятилетних волов (стк. 437) плюс к тому же несколько ослов и мулов; добрый хозяин, по мнению Гесиода, должен иметь два плуга (стк. 432 сл.) и располагать по крайней мере годовым запасом хлеба (стк. 31) и фуража (стк. 606 сл.). Есть у него и собственное судно для перевозки своих продуктов на продажу (стк. 622—631). Не менее характерно и упомянутое выше указание о покупке чужого клера (стк. 341).

Хозяйство, рисуемое Гесиодом, не в состоянии обойтись без относительно широкого применения наемного и особенно рабского труда. Кроме купленной рабыни, следующей за волами, упомянутой в сомнительной, возможно интерполированной, 406-й строке, в образцовом хозяйстве Гесиода работает еще «наемный сорокалетний... крепкий работник» на пахоте (стк. 441), мальчик — раб, засыпающий землей семена (стк. 470) и батрачка, нанимаемая осенью уже после окончания годового круга сельскохозяйственных работ (стк. 602 сл.)¹. Говоря о «домочадцах» (δμῆες), под которыми следует понимать и рабов, Гесиод во всех шести случаях употребляет множественное число (стк. стк. 459, 502, 573, 597, 608 и 766).

Все указанные моменты, на наш взгляд, позволяют сделать вывод, что Гесиод и во второй части своего произведения — в описании сельскохозяйственных работ — говорит не о мелком, а о крепком хозяйстве, принадлежащем представителю имущих слоев крестьянства, а не рядового населения².

Сложным и трудным является вопрос о развитии рабовладения по данному изучаемому кругу источников. В статье «Об историческом месте го-

Дж. Файном (J. F. I n e, *Noroi*, Baltimore, 1951), который пришел к выводу о неотчуждаемости земли в Аттике вплоть до Пелопоннесской войны (стр. V). Однако Файн не считает, что в Беотии земельные отношения были аналогичны аттическим. Его интересные замечания о возможности купли-продажи земли в Беотии при Гесиоде см. стр. 178, прим. 42; здесь же указана новая литература вопроса.

¹ В. В. Вересаев в данном случае неправильно перевел стк. 602 сл. подлинника: *ἤτα τ' ἄοικον ποτ' ἴσθαι καὶ ἄτερον ἔριθον διζῆσαι κέλομαι* как «Мой бы совет, — батраком раздобудься бездомным да бабой, — но чтоб была без ребят!» Начало этой строки надо, очевидно, переводить: не как «батраком раздобудься бездомным», а наоборот: «сделай батрака бездомным», т. е. увольь его. В противном случае становится непонятным совет нанимать и батрака и батрачку уже после окончания обмолота. Батрак, о котором здесь идет речь, по видимому, и есть упомянутый выше «сорокалетний работник», нанимаемый при пахоте. В и г н, ук. соч., стр. 42, прим. 1, считает возможным и одно и другое толкование этого места.

² В и г н, ук. соч., стр. 32 сл., также отмечает, что Гесиод говорит с точки зрения состоятельного крестьянина (a substantial yeoman), чья «ферма» в состоянии прокормить хозяина, его жену, детей и небольшое количество мужчин и женщин рабов и наемных работников.

меровского рабства» уже указывалось, что в источниках непосредственно послегомеровского времени встречается значительно меньше данных о рабовладении, чем в эпосе. К тому же эти данные в качественном отношении значительно отличаются от данных Гомера (ВДИ, 1952, № 2, стр. 55—57). Из всего, что нам известно о социально-экономическом развитии Эллады с XI в. до н. э., можно быть вполне уверенным в постепенном разложении первобытно-общинных и зарождении и развитии рабовладельческих отношений. Между тем в «Одиссее» речь идет об относительно крупных, явно рабовладельческих хозяйствах Одиссея и Алкиноя; в их хозяйствах свободный труд использовался в значительно меньших размерах, чем труд рабов. Исходя из контраста между свидетельствами Гомеровского эпоса и последующих (вплоть до VI в.) литературных источников, мы предполагаем, что данные о рабах в «Одиссее» отражают, вероятно, не собственно гомеровские, а, так сказать, микенские производственные отношения¹. Все же необходимо указать, что и в Гомеровском эпосе имеются некоторые, правда немногие, свидетельства о рабстве, которые надо отнести к IX — началу VIII в. до н. э. (там же, стр. 58). В послегомеровских источниках мы видим, в общем и целом, дальнейшее развитие тех элементов рабовладения, которые в «Илиаде» и особенно «Одиссее» относятся к собственно гомеровскому времени.

В трудах по истории рабства в древней Греции, к сожалению, VIII и VII века до н. э. не выделяются в качестве отдельного периода. Валлон без каких-либо оговорок объединяет в одну главу «Рабство в Греции, рабство в древнейшую Гомеровскую эпоху» данные Гомера и Гесиода и даже из произведений трагиков V в.² В дальнейших главах он лишь бегло останавливается на илотии и затем все свое внимание посвящает рабству в Афинах, наиболее полно освещенному в источниках. Притом он даже не дифференцирует рабов и свободных³.

Аналогично Валлону строит изложение в своей книге и В. Рихтер. Он также останавливается в первой главе⁴ на данных «Илиады» и «Одиссеи», а затем переходит к илотии и относительно подробно изучает древнегреческое рабство в «историческую эпоху». Рихтер полностью игнорирует Гесиода и весь круг привлеченных в данной статье источников. Как бы в качестве оправдания он указывает, что в «ближайшие века после Гомера в отношении рабов у греков господствует всеобщий мрак, который проясняется не раньше, чем за столетие до Персидских войн, примерно во времена Солона» (ук. соч., стр. 36).

¹ Расшифровка крито-микенской письменности должна будет пролить, наконец, свет на вопрос о рабстве и земельных отношениях в микенское время. Не будучи компетентным в вопросах расшифровки, я не могу оценить, насколько успешны, в частности, новейшие попытки Вентриса и Чадвика (M. Ventris and J. Chadwick, Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives, JHS, LXXIII, 1953, стр. 91 сл.). Для социальной истории микенской Греции имело бы неопределимое значение, если бы оказалось верным их чтение многих пиловских табличек, в которых они находят упоминания о храмовых рабах и арбынях — te-o-jo do-e-ro они вместе с Sundwall'ом читают как θεοίο (?) δούλου, — об аренде земельных участков, количестве зерна под засев и т. д. В настоящее время многие специалисты склонны считать расшифровку Вентриса и Чадвика правильной; см. обстоятельную статью S. Dow, Minoan Writing, AJA, 1954, № 2, стр. 77—130 (особенно стр. 83); ср. статью акад. А. И. Тюменева в этом номере ВДИ.

² А. Валлон, История рабства в античном мире, М., 1941, стр. 15—29.

³ Так, например, приведенное выше высказывание Гесиода о нежелательности нанимать на работу явно свободную батрачку (εἰφος) с детьми (стк. 602) Валлон интерпретирует следующим образом: «... Плодовитость рабов(? — Я. Л.) уже во времена Гесиода казалась доставляющей меньше выгод, чем беспокойств, — он советует не допускать их связей» (ук. соч., стр. 19).

⁴ W. Richter, Die Sklaverei im Griechischen Altertume, Breslau, 1886, стр. 10.—24.

Далеко недостаточно освещен послегомеровский период и в известной работе Вестерманна, который после суммарной характеристики гомеровского рабства останавливается мимоходом и на данных Гесиода о рабстве (RE, Supplb. VI, стб. 899). Вестерманн ограничивается замечанием, что рабы у Гесиода обозначаются эпическим термином $\delta\rho\acute{\omega}\varsigma$ и что они, равным образом как и наемные работники, имеются «у скромных крестьян типа Гесиода». Другие послегомеровские источники Вестерманном не привлекаются.

В монографиях, специально или в значительной степени посвященных Греции VIII—VII вв., вопрос о роли рабства и об его развитии вообще не ставится. Так, например, даже признающий влияние на себя идей марксизма Бэрн тем не менее нигде в своей работе не останавливается на роли рабства в это время, хотя он относительно подробно анализирует положение крестьянства и несколько раз касается вопроса об илоти. Вопрос о рабстве не ставится и Дж. Томсоном¹. Не лучше освещен вопрос о раннем рабстве и в общих курсах по истории древней Греции, в которых совершенно не учитывается примерно 250-летний разрыв в развитии древнегреческого рабства от Гомеровского эпоса до Солона. Между тем задача подбора всех свидетельств раннегреческих источников о рабах — создание корпуса таких данных — имеет первостепенное научное и политическое значение. Вне зависимости от того, насколько прав Томсон, считая, что до VI в. «рабы не играли... решающей роли...», он безусловно правильно поставил в своем «Письме в редакцию» ВДИ важнейшую научную задачу «собрать и проанализировать вседоступные нам источники о росте рабства». Прав он и в том, что для выполнения этой задачи требуется коллективное исследование группы историков-марксистов².

В настоящей статье будут изложены данные анализируемого здесь круга источников о рабстве. Имеющиеся довольно скудные и фрагментарные сведения все же не так уж незначительны, чтобы на их основании нельзя было составить, хотя бы в общих чертах, картины становления и начального развития рабства в основной массе недорийских полисов. Не говоря уже об указанных в нашей предыдущей статье первостепенных свидетельствах Геродота и Афиней (стр. 56), которые относятся, повидимому, и к VIII в., даже в современных изучаемому периоду источниках имеются все же кое-какие важные, до сих пор, повидимому, не использованные в историографии, данные о рабах и рабстве.

Начнем прежде всего с анализа терминов, обозначающих рабов. Основным термином, служащим для обозначения рабов-мужчин у Гесиода, является гомеровский термин $\delta\rho\acute{\omega}\varsigma$ (греч. $\delta\rho\acute{\omega}\varsigma$), встречающийся в «Трудах и днях» восемь раз. Этим термином обозначен мальчик-раб ($\tau\upsilon\tau\epsilon\delta\acute{\omega}\varsigma$ ... $\delta\rho\acute{\omega}\varsigma$), помогающий при посеве (стк. 469 сл.), рабы, занятые на пахоте (стк. 459), строящие амбары (стк. 502), участвующие в жатве (стк. 573) и в обмолоте зерна (стк. 597), отдыхающие после окончания круга земледельческих работ (стк. 608); этих же, повидимому, $\delta\rho\acute{\omega}\varsigma$ (стк. 766) поэт советует обучать различению дней месяца по подробно перечисляемым им в конце поэмы приметам.

Как известно, термин $\delta\rho\acute{\omega}\varsigma$ у Гомера обозначает основную массу

¹ G. T h o m s o n, *Studies in ancient Greek society*, сам считает это «серьезным недостатком» своей работы; см. ВДИ, 1953, № 4, стр. 111. В предисловии к указанной книге Томсон обещает в следующей своей работе заняться «развитием рабства и начатками науки» (ук. соч., стр. 7).

² Первый, очень серьезный шаг в этом направлении уже сделан чешским ученым П. Оливой в «*Raná řecka tyranis*», Прага, 1954, и особенно в статье «*Počátky otrokářské výroby v antickém Řecku*», ČsČN, 1954, стр. 78—92. Автором подобрано очень много данных, в частности археологических. К обзору этих ценных работ П. Оливы мы надеемся вернуться в одном из ближайших номеров ВДИ.

рабов, и притом исключительно рабов, в отличие от различных категорий свободного населения (см. Ленцман, ук. соч., стр. 43 и 46 сл.). В «Трудах и днях» во всех только что перечисленных случаях этот термин далеко не столь ясен и недвусмысленен, как у Гомера. Лучшей иллюстрацией неясности понимания значения $\delta\rho\omega\varsigma$ у Гесиода может послужить прекрасный в общем перевод В. В. Вересаева, который переводит этот термин самыми различными способами: «невольник» (стк. 470), «батраки» (стк. 459), «рабочие» (стк. 573, 597 и 608) и «домочадцы» (стк. 502 и 766). Притом в каждом конкретном случае В. В. Вересаев старался выбрать наиболее адекватное по контексту русское слово¹. В ряде случаев, например в стк. 502, 608 и 766, под $\delta\rho\omega\varsigma$ поэт подразумевал не только рабов, но и заведомо свободных лиц, как, например, фета, ведущего быков при пахоте, или бездетную батрачку, нанимаемую после уборки урожая. Гесиод нигде не противопоставляет рабов и свободных. Его поучения, особенно в последней части «Трудов и дней» относятся ко всем домочадцам без исключения.

Понимание термина $\delta\rho\omega\varsigma$ у Гесиода осложняется еще и тем, что в одном месте он относится к несомненно свободному ремесленнику — $\delta\rho\omega\varsigma$ Ἀθηναίης (стк. 430), занятому изготовлением плугов². Это вообще первый и, насколько мне известно, единственный случай в древнегреческой литературе, когда этот термин относится к ремесленнику; у Гомера, как известно, ни одна из категорий рабов (кроме домашних слуганок-рукодельниц) не занимается ремеслом; неизвестно нам ничего и о применении рабского труда в ремесле вплоть до конца VII в.³ Вероятно, самому Гесиоду было уже не вполне ясно значение термина $\delta\rho\omega\varsigma$ в Гомеровском эпосе. В последующем слово $\delta\rho\omega\varsigma$ выходит из обихода и заменяется другими терминами; в анализируемом нами круге источников оно встречается только в «Трудах и днях» и в «Щите Геракла». В последнем $\delta\rho\omega\varsigma$ встречаются дважды (стк. 40 и 276). Интересно сопоставление их, как примерно равной в социальном отношении категории, с пастухами. вполне вероятно, что в стк. 40 речь идет о рабах, занятых в скотоводстве, во всяком случае работающих вне дома. Рабыни, упомянутые в стк. 276, принимают участие в свадебном шествии.

Рабыни называются в послегомеровских источниках попрежнему $\rho\upsilon\beta\eta$. Этим словом определяется в «Трудах и днях» купленная рабыня, следующая за волами (стк. 406)⁴; несколько $\rho\upsilon\beta\eta\tau\alpha\varsigma$ ἀμύμονα ἔργα ἰδύτας из фрагмента «Каталогов женщин» Гесиода⁵, держащих в руках золотые

¹ Удивительно, что В. В. Вересаев ни разу не перевел $\delta\rho\omega\varsigma$ напрашивающимся по аналогии с Гомеровским эпосом словом «раб». Возможно, его смущало при этом то, что Гесиод включал в понятие $\delta\rho\omega\varsigma$ и вольнонаемных батраков.

² Ср. F. A. Paley, The epics of Hesiod, L., 1883, прим. к стк. 430.

³ P. Waltz, «Revue Historique», CXLV (1924), стр. 163, явно приукрашивает положение рабов в раннегреческом ремесле; заявляя, что рабы могли руководить мастерской, вести дела на свой счет и платить только оброк своим хозяевам уже в VII—VI вв. до н. э., он не смог привести ни одного факта в подтверждение своих выводов.

⁴ «В первую очередь — дом и вол работающий для пашни, || Женцина, чтобы волов подгонять; не жена — покупная» («Труды и дни», стк. 405 сл.: $\rho\upsilon\beta\eta\tau\alpha\varsigma$ . . . κτητήν, οὐ χαμέτην).

На основании того, что Аристотель (Polit., I, 2, 1252 б) цитирует это место из Гесиода без второй строки, Рцах в тейбнерском издании Гесиода (1908 г.) а затем и прочие исследователи считают ее послеаристотелевской интерполяцией. Действительно, эта строка выглядит только как пояснение контекста: ср. Westermann, ук. соч., стб. 899. Однако термин $\rho\upsilon\beta\eta$ (стк. 40э) цитируется и Аристотелем.

⁵ Pap. Berlin, 9739, стк. 11; цитирую по Evelyn-White, ук. соч., стр. 192; все выражение заимствовано полностью из Гомеровского эпоса, где оно часто встречается в качестве эпитета рабынь, опытных рукодельниц.

фиалы, и, наконец, обучаемые Деметрой рукоделиям служанки в доме Келея (гимн Деметре, стк. 144). Впрочем, возможно, хоть и маловероятно, что эти служанки были свободными.

Термин *οἰκέτης* встречается в рассматриваемых источниках единственный раз — во фрагменте из Гесиодовой «Астрономии» (Evelyn-White, стр. 70). Слепленный Орион, встретив Гефеста, получил от него «его [домашнего] раба» (τοῦ αὐτοῦ [οἰκέτου] οἰκέτην) Кедалиона для обслуживания Ориона в пути. Здесь *οἰκέτης* обозначает домашнего слугу, очевидно раба.

В «Илиаде» и особенно «Одиссее» довольно часто встречался термин *ἀμφίπολος*, которым обозначались рабыни или свободные служанки, поставленные несколько выше, чем обычные рабыни. Это слово в послегомеровских произведениях встречается только раз, если не считать глагола *ἀμφίπολεύω*; зато вместо него в аналогичном значении употребляется другое слово того же корня — *πρόπολος*. В гимне Деметре Геката, которая с большой радостью встретила возвратившуюся из Аида Персефону, с того времени стала ее *πρόπολος καὶ ἑπάων* (стк. 440: «служанкой и спутницей»). Здесь, очевидно, *πρόπολος* не может обозначать рабыню, тем более, что в той же строке Геката называется царицей (*ἄνασσα*).

Термин *θεράπων*, который у Гомера относится всегда только к свободным, а в классический период часто к рабам, в источниках VIII—VII вв. сохраняет в основном свой эпический смысл; так, например, мы три раза встречаемся с выражением *Μουσῶν θεράπων*¹ и один раз с *θεράποντες Ἄργος* (Ilias parva, fr. 2). Только в одном из фрагментов «Великих зой» Гесиода, сохранившемся в прозаическом пересказе в сохлжих к Аполлонию Родосскому, упоминаются *θεράποντες τοῦ βασιλέως*, являющиеся, по видимому, рабами. Здесь же упомянуты в аналогичном смысле *δίκονοι* (Evelyn-White, стр. 262). Глагол *θεραπεύω* встречается в «Трудах и днях» (стк. 135) и в гимне Аполлону Пифийскому (стк. 390=212) в качестве термина для обозначения жреческих функций.

Таким образом, терминологический анализ разрешает сделать следующие выводы:

1) основным термином, которым в VIII—VII вв. обозначались рабы, следует считать *δμῶς* (resp. *δμῶος*) для мужчин; женщины-рабыни чаще всего назывались просто *γυνή*. Однако первый из этих терминов означал не только рабов, как в Гомеровском эпосе, но часто относился и к «домочадцам» вообще, даже если в их число входили заведомо свободные люди, работавшие по найму;

2) прочие термины, обозначавшие в классический период рабов: *δοῦλος*, *οἰκέτης* и тем более *ἀνδράποδος*, в изучаемом здесь круге источников отсутствуют; встречающееся единственный раз слово *οἰκέτης*, означающее в данном контексте домашнего слугу, относится к позднему пересказу, притом в прозе, фрагмента из «Астрономии» Гесиода и не может служить основанием для терминологических выводов в отношении словоупотребления VIII—VII вв.;

3) термины, которыми в последующее время часто обозначались рабы, как, например, *θεράπων* и др., насколько можно проследить в источниках, применялись в изучаемый период к свободным, аналогично их словоупотреблению у Гомера.

Приведенные выше примеры исчерпывают все термины, характеризующие рабов. Однако, кроме указанных мест, имеется еще некоторое количество контекстов, где речь идет несомненно о рабах или о людях,

¹ Theogonia, 100; гимн Селене, 20; Evelyn-White, стр. 536 (фрагмент из «Маргита»).

продаваемых в рабство, хотя сам термин прямо не упоминается. Таковы прежде всего упоминания о пиратстве и тесно связанной с ним работорговле.

В гимне Деметре богиня рассказывает встретившим ее у колодца дочерям элевсинского басилея Келея, что ее — повидимому, вместе с другими женщинами — силой увезли с Крита пираты (Ληϊστῆρες — стк. 125). Дальше Деметра рассказывает, как она убежала от своих похитителей:

«Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили»¹
(ἀπρίατῃ περᾶσαντες ἐμῆς ἀπονείατο τιμῆς)

(Стк. 130—132)

Это место наглядно показывает, что одним из обычных источников рабовладения была продажа в рабство людей, похищенных пиратами. Весь сюжет второго гимна Дионису построен на похищении его пиратами². Поэт образно описывает, как разбойники быстро похитили Диониса и собирались отвезти его в Египет, на Кипр или к гиперборейцам. В отличие от цитированного выше отрывка из гимна Деметре они, повидимому, не собирались продать Диониса в рабство, а решили ожидать выкупа; об этом свидетельствуют слова предводителя пиратов: «... Назовет, наконец, он нам и друзей, и родных, и богатства свои перечислит» (стк. 29 сл.). О пиратах говорится и в гимне Аполлону Пифийскому (стк. 274—277), правда в месте, полностью заимствованном из «Одиссеи» (IX, 252—255).

В первой книге «Хрестоматии» Прокла в изложении содержания «Киприй» говорится, что Патрокл отвез Ликаона на Лемнос и там продал его в рабство (ἄπερπολῆ). В «Соревновании Гомера и Гесиода» рассказывается, что, по мнению некоторых авторов, мать Гомера была жительницей Итаки, проданной финикийцами в рабство (ἄπερποληθεῖσα). В Псевдо-Плутарховой Vita Homeri, 3, также сообщается, что мать Гомера Кретида была похищена пиратами, отвезена в Малую Азию и здесь продана в рабство³. Таким образом, наряду с морским грабежом война и торговля также содействовали развитию рабовладения, хотя у нас имеется меньше данных по этому вопросу для VIII—VII вв., чем для предшествующего периода.

В положении рабов происходят довольно значительные изменения в сравнении с предшествующим периодом. В Гомеровском эпосе рабы-мужчины были заняты почти исключительно в скотоводстве; земледелие и ремесло, если не считать огородничества, обслуживались исключительно свободными. Рабыни, как правило, занимались работами по дому, включая и домашние ремесла. В VIII—VII вв., если судить по данным анализируемых здесь источников, картина использования рабов значительно меняется. Рабы заняты в основном в земледелии. Даже купленная рабыня из «Трудов и дней», если не считать это место интерполяцией, и та участвует в пахоте, выполняя мужскую работу. Часть рабынь все же была, повидимому, занята прядением и ткачеством; вряд ли в условиях, в основном, натурального хозяйства, как, например, у Гесиода,

¹ Перевод В. В. Вересаева («Гомеровы гимны», М., 1926).

² Turstanos, по мнению Evelyn-White, ук. соч., стр. 429, прим. 7, повидимому, не тирренцы — этруски, а неэллинские племена Фракии и (согласно Фукидиду, IV, 109) Лемноса и Афин. В датировке этого гимна особенно велики расхождения среди ученых: Ивлиан-Уайт вслед за Алленом и Сайксом отчислит его к VII—VI вв. до н. э. (ук. соч., стр. XXXVIII сл.); другие исследователи датируют его периодом эллинизма.

³ Homeri opera, rec. Th. W. Allen, Oxf., 1911, т. V, стр. 240 = P s. - Plut., Vita Homeri, I, 3. См. G. Thomson, ук. соч., стр. 548 сл.

вся одежда на семью приготавливалась одной только хозяйкой дома. Ценность рабынь определяется в значительной степени их обученностью различным $\xi\rho\upsilon\alpha$. Об этом говорится в цитированных выше местах из гимна Деметре и в папирусном отрывке из Гесиода (см. стр. 64). Об использовании труда рабов в скотоводстве, возможно, свидетельствует одно место из Псевдо-Геродотовской *Vita Homeris* (гл. 23 сл.), где речь идет о некоем Главке, пасшем коз около Эрифры. Главк, удаляясь от стада, поручает надзор за ним своему товарищу ($\sigma\upsilon\upsilon\delta\omicron\upsilon\lambda\alpha$). Терминология, да и весь стиль этой биографии явно не соответствуют тому, что нам известно о Греции VIII—VII вв., но сама возможность применения труда рабов в скотоводстве для того времени далеко не исключена.

Впрочем возможно, что отмеченные изменения в способе использования рабов связаны с различиями в тематике дошедших до нас источников. Если в Гомеровском эпосе характеризуется в основном только хозяйство базилсеев и почти полностью умалчивается о положении крестьянских хозяйств, то в источниках последующего периода, прежде всего у Гесиода, мы имеем диаметрально противоположную картину. Ввиду такого состояния источников наши выводы об эволюции в использовании рабского труда и в том и в другом случае по необходимости страдают односторонностью.

Число рабов в VIII—VII вв. несомненно должно было увеличиться по сравнению с IX в. Весь ход экономического развития раннегреческого общества, имущественное и социальное расслоение, разорение крестьянства неизбежно вели к усилению рабовладения. Кажущееся противоречие между многочисленными упоминаниями о рабах у Гомера и относительно незначительным числом соответствующих свидетельств в последующее время объясняется, на наш взгляд, в основном тем, что в «Илиаде» и «Одиссее» отражено главным образом рабовладение микенского времени. И все же количество рабов не могло значительно увеличиться на протяжении столетия между Гомером и Гесиодом. Об этом свидетельствует скудность упоминания о рабах в источниках. Быстрое развитие рабовладения античного типа начинается только в последующий период, на рубеже VII и VI веков.

Об относительно слабом развитии рабовладения в VIII—VII вв. свидетельствует также отсутствие дифференциации между вольнонаемными и рабами. И первые и вторые включаются Гесиодом в одно понятие $\delta\mu\omega\epsilon\varsigma$, если мы правильно определили значение этого термина как «домочадцы»¹.

Нарисованная картина развития рабства в VIII—VII вв. не претендует на полноту. В ней учтены только современные и притом только литературные источники. Для того, чтобы дать полную картину роста рабовладения в это время, необходимо привлечь ряд сведений Геродота, Афиня, Плутарха и прежде всего значительное число сообщений античных авторов об илотии. Не менее необходимо использовать и богатые археологические данные. Неполнота картины развития рабства до некоторой степени искупается тем, что в ней использованы все современные изучаемому периоду источники, что особенно важно для терминологического анализа и некоторых других моментов. При всем том необходимо иметь в виду, что язык и стиль послегомеровского эпоса находился под исключительно сильным воздействием произведений Гомера; вследствие этого даже социальная терминология, например, у Гесиода, вероятно, далеко не полностью соответствовала словоупотреблению тех или иных терминов в греческом языке времени беотийского поэта.

¹ В и г н, ук. соч., стр. 42, прим. 2, считает, что вольнонаемный работник ($\theta\eta\varsigma$) в «Трудах и днях» должен был «присматривать за рабами». Но во всей поэме нет даже малейшего намека на это.

Прослеженные нами изменения дают картину относительно быстрого развития частнособственнических рабовладельческих производственных отношений. Однако эта картина социально-экономического развития Греции VIII—VII вв. была бы неполной, если бы мы не остановились на еще одном методологически важном моменте — вопросе о тех конкретных формах, в которых происходило зарождение рабовладельческого государства. В. И. Ленин указывал, что «... государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, ... оно есть сила, стоящая над обществом и „все более и более отчуждающая себя от общества“...»¹. Думается, что марксистское исследование проблемы возникновения рабовладельческого государства должно идти прежде всего по линии изучения конкретных форм постепенного возникновения и развития органов насилия, которыми обладало «стоящее над обществом» государство; в этой связи особенно важно изучить, как государство с течением времени все более и более отчуждалось от общества. История развития раннегреческого общества даст в этом отношении много поучительных сведений.

Одним из важнейших органов зарождающегося рабовладельческого государства был суд. Кстати говоря, эволюцию судопроизводства в ранней Греции можно проследить довольно точно и притом значительно легче, чем возникновение других государственных органов. Ниже будет принята такая попытка проследить процесс отчуждения судопроизводства от общества. Энгельс в свое время указывал, что «в древности вся официальная власть была в мирное время исключительно судебной властью...»². В условиях первобытно-общинного строя, как правило, «народное собрание служит вместе с тем и судом; сюда приносят и здесь же разрешают жалобы, здесь выносятся смертные приговоры...»³.

В подобных чертах рисуются зачатки судопроизводства и в Гомеровском эпосе. В подробно изучавшемся как в общеисторической, так и в специально-юридической литературе описании суда на щите Ахилла (II, XVIII, 497—508)⁴ нарисована яркая картина судопроизводства того времени: старейшины высказывают поочередно свое мнение, народ присутствует на суде и активно участвует в судопроизводстве. Таким образом, в гомеровское время нет еще профессиональных судов, судопроизводство не разработано. Очевидно, в таких условиях не может быть и речи о противопоставлении суда, в качестве одного из органов государства, обществу.

Обстановка исключительно быстро и резко меняется в VIII—VII вв. до н. э. Прежде всего растет количество судебных дел. У Гомера о суде говорится очень редко и только случайно; изъятие из текста гомеровских поэм мест, связанных с судопроизводством, ни в малейшей степени не нарушило бы цельности этих произведений. Иное дело более поздние источники. В «Трудах и днях» все содержание произведения базируется на судебных делах; если судить по Гесиоду, повседневная жизнь рядового грека была тесно связана с судами. Образы двух Эрид, Дике, даже вопросы благополучия и существования городов неразрывно связаны в его поэме с изображением вершащих суд басилев. Основная и даже единственная функция гесиодовых бацилеев — а они во многом отличаются от бациле-

¹ В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 360. Во внутренних кавычках цитата из труда Ф. Энгельса, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 637.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1952, стр. 148.

⁴ См., напр., книгу R. Köster, Homerisches Recht, Wien, 1950, особенно последний очерк — «Gerichtsszene auf dem Achilleusschild», стр. 65—67, и там же библиографию вопроса.

ев гомеровских поэм — состоит опять-таки в судопроизводстве. Если обычным эпитетом басилеев у Гомера являются термины *διοτρεφείς* и *διογενείς* (питомцы Зевса, рожденные Зевсом), то в произведениях последующего времени они столь же часто называются *θεμιστοπόλοι* (вершащими суд). К этому необходимо добавить, что гомеровские басилеи были племенными царьками, основная функция которых состояла в военном предводительстве, в то время как басилеи по данным эпических произведений VIII—VII вв. были представителями родовой аристократии, занимающимися в основном судопроизводством¹.

Даже в таком, казалось бы, далеком от судебной тематики произведении, как «Теогония», имеется большой экскурс, посвященный судебным функциям басилеев (стк. 81—92), притом почти не связанный с обращением поэта к музам. В гимне Деметре упоминания о басилеях часто сопровождаются указанием на их судебные функции (стк. 103, 215, 473 и др.). Все содержание гимна Гермесу построено на завершающемся судом Зевса конфликте между Гермесом и Аполлоном. Примеры такого рода можно было бы без труда значительно умножить.

В чем же причина такого резкого роста функций суда, отражающего, очевидно, в той или иной степени, значительное увеличение числа конфликтов, относительно редких в недавний еще период? Повидимому, основной причиной такого явления могло быть только быстрое развитие частной собственности на средства производства² и связанное с этим развитием прогрессирующее имущественное расслоение раннегреческого общества. Это подтверждается многочисленными упоминаниями в источниках о воровстве. Глагол *φιλῆτεω* (красть) и существительное *φιλῆτης* (вор) встречаются часто в гимне Гермесу и у Гесиода, но отсутствуют у Гомера. То же можно сказать и об иносказательном выражении *ἡμερόκοιτος ἀνὴρ* (спящий днем человек) — любопытном синониме *φιλῆτης*, встречающемся в «Трудах и днях» (стк. 605).

Однако еще важнее, чем количественные изменения, было качественное преобразование роли суда и судопроизводства. В гомеровском обществе решение по любому судебному спору было окончательным и не подлежало ни пересмотру, ни даже обсуждению. Поэтому невозможны были протесты и возражения против такого решения. Гесиод же очень часто говорит о несправедливых решениях царей-«дароядцев». У него имеется даже *terminus technicus* для такого рода приговоров — *θέμιστες σκολήης δίκης* («неправедный суд» — стк. 219 слл., 250, 262 и др.)³. Сама возможность несправедливости судопроизводства была обусловлена тем, что суд стал уже отчуждаться от общества, что он превратился в функцию специальных судей — басилеев, стоявших над обществом. А так как басилеи представляли интересы не всего народа, а только аристократии, то и приговоры их диктовались интересами аристократии. Зарождающийся суд в качестве органа возникающего государства преследовал цель увековечить «...не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последними»⁴. Классовый характер суда находит образное выражение и в таких определениях Гесиода, как: «басилеи — дароядцы»,

¹ Интересные данные о феспийской аристократии этого и более позднего времени собраны в ценной работе С. Я. Лурье, Бесотийский союз, ЖМНП, 1914, 1, стр. 12 слл.

² Недаром афинские архонты при вступлении в должность давали присягу, что во время их правления «каждый сохранит то, что он имел раньше» (Arist., Athen. pol., 56, 2).

³ Интересны замечания Дж. Томсона о происхождении этого термина (ук. соч., стр. 134 сл.).

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 111.

«где сила, там будет и право» (стк. 192: δίκη δ' ἐν χερσὶ) или «правду заменит кулак» (стк. 189: χεῖροδίκαι)¹ и т. д., причем речь здесь идет не вообще об отсутствии суда, а именно о классовом характере судопроизводства. Тот же Гесиод предостерегает Перса:

«Некогда времени тратить на всякие тяжбы и речи
Тем, у кого невелики в дому годовые запасы...
Пусть, кто этим богат, затевает раздоры и тяжбы
Из-за чужого достатка...»

(Стк. 30 сл. и 33 сл.)

Об этом же свидетельствует косвенным образом и рост взяточничества.

Прогрессирующее отчуждение суда от общества наглядно можно проследить и на развитии техники судопроизводства. Исключительно яркую сценку рисует автор гимна Гермесу. Защищаясь перед собранием богов, Гермес говорит об Аполлоне:

«Только что солнышко нынче взошло. и приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров, и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей (μάρτυρας), ни понятых (κατόπτας)
из бессмертных.

Дать показания (μυθεῖν) приказывал мне с принуждением великим
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий»

(Стк. 370—374)

Здесь не забыто ни одно отклонение Аполлона от норм судопроизводства. Домашние обыски, повидимому, допускались только в присутствии свидетелей и понятых, запрещалось применение нажима и угроз при даче показаний. Если бы мы точно не знали, что это отрывок одного из Гомеровских гимнов, мы могли бы его смело датировать временем Аристофана. Все же порядок судопроизводства был обстоятельно разработан уже при Гесиоде: в «Трудах и днях» говорится о показаниях на суде, и о клятве свидетелей (стк. 194, 282, 285 и др.)². Свидетелей Гесиод рекомендует привлекать даже при сделках с родственниками (стк. 371: «С братом — и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях делай»).

Об исключительном значении суда в жизни греческого общества VIII—VII вв. ярко свидетельствует картина идеального полиса, нарисованная Гесиодом именно в связи с вопросом о правосудии:

«Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство (πόλις) цветет, и в нем процветают народы»

(Стк. 225—227)

Дальше поэт в ярких красках описывает благосостояние «правосудных людей»: они живут в изобилии, проводят время в пирах, и нет у них нужды пускаться в море. Совершенно ясно, что эта картина не имеет ничего общего с реальной действительностью; она только показывает, сколь

¹ Греческому термину буквально соответствует немецкое Faustrecht.

² F o r b e s, ук. соч., стр. 83—86, считает что во времена Гесиода конфликты решались базилеями на основании простой клятвы обвиняемого, и что только из-за этого Гесиод так упорно призывает Перса не быть клятвопреступником. Однако взгляды Форбса не могут быть приняты, так как они чересчур упрощают картину судопроизводства. Если принять его гипотезу, то вообще не останется места для судей-«дароядцев» и для взяточничества, так как все дело не подлежало бы никакому расследованию.

большое значение приписывал суду Гесиод и сколь разорительным для народа был неправый суд царей-«дароядцев».

Таким образом, на протяжении относительно короткого исторического отрезка времени от Гомера до Гесиода произошла значительная эволюция судопроизводства, которое из функции самого общества превратилось в учреждение, отчужденное от общества, стоящее над обществом. Аналогичную эволюцию, очевидно, проходили и другие органы зарождающегося аппарата насилия — рабовладельческого государства.

Мы рассмотрели отдельные, на наш взгляд наиболее характерные, моменты социально-экономического развития раннегреческого общества в VIII — VII вв. до н. э. Даже на материале ограниченного круга только современных литературных источников, все же отчетливо видны характерные черты зарождающегося рабовладельческого общества. Рост имущественного расслоения, развитие частной собственности на землю, расширение рабовладения, превращение судопроизводства в орудие эксплуатации и угнетения — все эти явления как нельзя более характерны для времени зарождения рабовладельческого строя в античной Греции.

